

М. С.-Г. Албогачиева

ИНГУШСКАЯ ЖЕНЩИНА В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Трудно представить любую современную страну без активного участия женщин в социально-политической, экономической, культурной жизни общества. Неуклонно возрастает ее роль во всех сферах жизнедеятельности общества, идет борьба за равноправие женщин. Вместе с тем нужно отметить, что для каждой этнокультурной группы характерна своя полоролевая модель, которая имеет как свои особенности, так и сходные с другими культурами черты, которые также подвержены модификациям. Исторически модель общественного устройства каждого народа формировалась с учетом биологических различий в распределении социальных ролей мужчин и женщин и закреплялась их религиозными и бытовыми представлениями. Процессы урбанизации и глобализации привели к резкому ускорению изменений в системах социальных ролей и общепринятых норм в обществе. Социально-политические и экономические трансформации, произошедшие в стране за последние десятилетия, также оказали огромное воздействие на условия жизни общества, структуру населения, во многом видоизменив ее.

Исследование этнических процессов с учетом гендерного фактора особенно актуально при рассмотрении жизни народа, сохранившего до наших дней многие элементы традиционной культуры и традиционного мировоззрения. Сказанное в первую очередь относится к слабоурбанизированным народам, к которым принадлежат ингуши.

Автором статьи была предпринята попытка на примере ингушских женщин, проживающих в различных городах и селах республики и за ее пределами, рассмотреть, насколько интенсивны процессы трансформации традиционной системы и каковы их последствия. С этой целью в 2009–2011 гг. нами были проведены исследования в Республике Ингушетия и за ее пределами. За указанный период удалось выявить общие тенденции и зафиксиро-

вать некоторые устойчивые трансформации в культуре ингушского народа.

Конечно, эти данные еще очень условны, и исследования должны быть продолжены. Изложение материалов, характеризующих современные процессы урбанизации и трансформации, предваряет общая информация о динамике численности городского и сельского населения без деления на половую принадлежность с периода образования ингушской государственности в 1924 г. и по сей день. Она позволяет лучше понять местную специфику и более объективно оценить динамику соответствующих трансформаций в современном обществе.

Ингушский социум

В XIX в. значительная часть ингушей проживала в сельской местности, за исключением небольшой прослойки интеллигенции, обосновавшейся за пределами исконной территории проживания. После революции в 1924 г. была образована Ингушская автономная область с центром во Владикавказе, что резко повысило число горожан ингушской национальности. В этот период начался активный процесс вовлечения ингушских женщин в общественную жизнь автономии. На выборах в Советы в 1925 г. участвовало 0,23 % женщин-ингушек, а в 1927 г. женщины составили уже 6,3 % всех избирателей. В составе сельских советов Ингушетии в 1925 г. было всего 15 женщин, а в 1927 г. они представляли 12 % всех депутатов сельских советов Ингушетии. В последующие годы число женщин, принимающих участие в выборах и избираемых в советы различного уровня, последовательно возрастало [Мамилов 2003: 186].

В 1934 г. Ингушская автономная область была преобразована в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ЧИАССР) в составе РСФСР. Значительное число ингушей переехало жить в Грозный, тем самым пополнив число горожан ингушской национальности. В 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, а все чеченцы и ингуши депортированы в Казахскую и Киргизскую ССР (а также частично в Таджикскую и Узбекскую ССР) по огульному обвинению в

«измене родине» во время Великой Отечественной войны. Многие переселенцы по воле судьбы на время стали жителями крупных городов, таких как Кизыл-арват, Фрунзе, Алма-Ата и др.

В 1957 г. ЧИАССР была восстановлена, а чеченцы и ингуши вернулись на Северный Кавказ, но при этом, как и прежде, сельское население преобладало. Как отмечает А.Б. Кузнецова, после возвращения чеченцев и ингушей единственным по-настоящему развитым промышленным центром в ЧИАССР был г. Грозный, где большинство специалистов и рабочих предприятий были русскими [Кузнецова 2005: 76].

Не имевшие возможности полноценно учиться в годы ссылки, ингуши и чеченцы прибыли в 1957 г. в ЧИАССР за небольшим исключением как представители крестьянских профессий и неквалифицированных рабочих специальностей — шоферы, трактористы, строители, грузчики, сторожа, объездчики. Подобную работу получило большинство чеченских и ингушских мужчин, не принятых в колхозы и совхозы. Женщины в сельских районах в основном трудились в частных хозяйствах, однако никогда не отказывались, от работы в колхозах и совхозах. Даже интеллигенция не всегда могла получить работу в городе и была вынуждена довольствоваться непрофессиональной деятельностью где придется.

В результате такой политики образовался замкнутый круг. Ингушам и чеченцам некогда было учиться, и они оставались в структуре сельского хозяйства (числившиеся по официальным данным рабочими, на самом деле работали в колхозах и совхозах и не могли считаться работниками промышленности, так как фактически оставались в сельскохозяйственном производстве).

С 1920 по 1959 г. рост численности городского населения среди ингушей и чеченцев составил 9 % и 6,5 % соответственно (крайне незначительный уровень урбанизации за такой большой срок). В дальнейшем многое изменилось. В 1959–1970 гг. (за 11 лет) количество городских жителей среди чеченцев увеличилось на 60 тыс. человек, а ингушей — на 40 тыс. С 1970 по 1979 г. (за 9 лет) этот прирост составил только 40 тыс. человек у чеченцев и 12,2 тыс. человек у ингушей. В 1970 г. в ЧИАССР городское на-

селение составляло 444,1 тыс. человек, а сельское 620,4 тыс. человек. Из них на селе проживало 418,1 тыс. чеченцев и 78,1 тыс. ингушей, а в городах — 90,8 тыс. чеченцев и 35,6 тыс. ингушей. В 1979 г. количество городского населения в ЧИАССР составляло 489,7 тыс. человек, из них чеченцев — 137,7 тыс. человек, ингушей — 47,8 тыс. человек; сельское население на 1979 г. составляло 666,1 тыс. человек в республике, из них чеченцев — 473,7 тыс. человек, ингушей — 87 тыс. человек. Таким образом, в городах количество чеченского населения за девять лет увеличилось почти на 40 тыс. человек, а в сельской местности — на 55 тыс. человек, количество ингушского населения в городах увеличилось на 12,2 тыс. человек, а в сельской местности — на 9,1 тыс. человек [Кузнецова 2005: 76].

С 1959 г. по конец 1980-х годов количество чеченцев и ингушей, занятых в сельском хозяйстве, снизилось с 91 % только до 70 %. В последующие 1990-е годы диспропорция между сельским и городским населением Чечено-Ингушетии, а впоследствии Чечни и Ингушетии устойчиво сохранялась.

Образование Республики Ингушетия изменило ситуацию. По данным Госкомстата, на 1 января 2011 г. городское население республики составляет 159 193 человек, а сельское — 255 799 человек. Как и прежде, меньше половины населения проживает в городах Карабулак, Магас¹, Малгобек, Назрань. Города Ингушетии ничем не отличаются от провинциальных городов Российской Федерации, но по численности сельского населения Ингушетия превышает такие регионы, как Калужская или Ярославская области.

Республика Ингушетия относится к числу проблемных субъектов Российской Федерации с низкими заработными платами и высокой безработицей [http://ria.ru/research_rating/]. Большинство женщин в сельских районах не имеет официальной за-

---

¹ Магас — новая столица Ингушетии, где располагаются резиденция президента, здания парламента, различные министерства, ведомства республиканского значения, дипломатические представительства, университетский комплекс, лицей, школы, детские дошкольные учреждения, здание Драматического театра, Республиканский медицинский диагностический центр и многое другое.

нятости и занимаются, как правило, детьми и приусадебными участками. Последствия безработицы смягчают федеральные субсидии [Матвеева, Савин 2012: 113]. Миграционные процессы из сельской местности в города внутри республики не приводят к значительным изменениям в образе жизни населения.

В структуру ингушского села входят сельский совет, медицинский пункт и школа, остальные объекты социальной инфраструктуры, призванные облегчить жизнь населения и позволяющие женщинам совмещать работу и семейные обязанности, почти повсеместно отсутствуют. В некоторых сельских населенных пунктах есть клубы и спортивные залы, но, оговорюсь сразу, они не для женской половины общества.

Интернет теперь стал доступен многим, и это скрашивает жизнь женщин даже в горных селениях, где доступны услуги компаний «Мегафон», «Билайн» и других провайдеров. Но, к сожалению, компьютер тоже является роскошью для многих жительниц села, и продвинутых пользователей из них немного, чаще всего это те, кто закончил вуз или техникум и имеет навыки пользования компьютером. В общем сельская жизнь очень размеренна, скучна и бесперспективна. Однако в силу традиционных установок миграционный отток молодых мужчин из села в город превысил отток женского населения.

Таким образом, ингушские села сегодня не могут выполнять функцию социокультурной среды в той степени, которая необходима для начального этапа формирования личности в современных условиях, что обусловило миграцию сельских жителей молодого и среднего возраста в города республики и за ее пределы. Значительную часть населения не удовлетворяет жизнь в аграрной, дотационной республике, и многие ищут любые пути обустройства в городе и за ее пределами. Идет постепенный отток населения республики в экономически развитые города страны.

В последние десятилетия эти процессы приняли необратимый характер, многие женщины уезжают из республики в поисках работы. Ингушские женщины, особенно представительницы молодых возрастных групп, активно выезжают из сел в города.

Результаты исследования городского населения показывают, что главным мотивом, толкающим женщин покидать свои родные села и деревни, является желание изменить свою жизнь, повысить свой социальный статус, получить образование. Даже получив соответствующее образование, молодежь зачастую не имеет реальных перспектив для дальнейшего социального и культурного роста: в республике нет рабочих мест, уровень безработицы составляет 49,1 % [http://ria.ru/research_rating].

Переезд в крупные города РФ сопряжен с массой социально-психологических, культурных и экономических проблем. Трудности социально-психологической адаптации в городе связаны с приспособлением к психологическому микроклимату и ритму жизни города, к новому коллективу на работе и учебе, новым соседям, с установлением новых дружеских контактов и т.д. Чем крупнее город, тем сложнее недавней селянке приспособиться к городскому стилю жизни, тем болезненнее она расстается с привычными формами поведения и общения.

Наши респонденты отмечают: *В городе каждый живет сам по себе. Никто не интересуется твоими проблемами. Нет привычной атмосферы соседской взаимопомощи и родственного плеча. Все чужие люди. Мало знакомых. Я чувствую себя здесь очень одинокой* [ПМА 2011].

Для недавних сельских жительниц весьма значимо общение со своими родственниками и односельчанами, которые проживают в этом же городе. В последние годы стало популярным общение через Скайп, социальные сети «ВКонтакте», «Фейсбук», «Одноклассники» и т.п., что позволяет максимально комфортно переходить рубеж одиночества, с которым встречается каждый человек, сменивший место жительства. Подобные формы общения являются значительной поддержкой для ингушек в процессе социально-психологической адаптации в городе.

Проблема социальной адаптации сельских ингушек в городах связана и с трудностями культурного характера. Для того чтобы стать «своей» в городской среде, ей приходится все реже обращаться к национальной культуре и чаще — к урбанизированной, городской. Это приводит к размыванию и ослаблению этнично-

сти. Однако только это является условием успешной социальной адаптации ингушки в городе, возможностью почувствовать себя «своей» в новой социокультурной среде.

Очень часто переезд в крупные города не становится решением проблем. Адаптировавшись там, ингушки не всегда могут получить работу по специальности, и многие вынуждены выполнять низкоквалифицированную работу. Являясь представителями нетитульной нации, они менее конкурентоспособны на рынке труда и мало востребованы. Наиболее престижные высокооплачиваемые места занимают чаще всего местные женщины, использующие более обширные каналы личных связей, информацию от знакомых и родственников. Многие соглашаются и с таким положением дел, так как появляется возможность работать и зарабатывать деньги, которой многие лишены, живя в Ингушетии.

Вместе с тем нужно отметить, что женщинам сложнее уезжать за пределы республики на постоянное жительство. Последнее возможно только в том случае, если женщина уезжает, создав семью, или со своими родными. Одиноким женщинам не должны жить вдали от семьи, без присмотра близких, поэтому чаще всего ингушки уезжают туда, где есть кто-то из близких родственников или знакомых, которые будут их опекать.

Подчеркнем, что только выполнение заданных обществом норм позволяет ингушке достичь того положения в обществе, при котором она начинает пользоваться уважением со стороны социума. Отклонение же от жизненного стандарта определяет ее в категорию нарушителей норм общепринятого поведения, с ней не будут считаться, и ее не будут уважать. Только те женщины, которые ведут себя достойно, чтят традиции и родную культуру независимо от места проживания, уважаемы и почитаемы в ингушском обществе.

Самоидентификация

В традиционном ингушском обществе ингушская женщина в процессе воспитания всегда выполняла функцию трансляции этнокультурных норм и ценностей своего народа новому поко-

лению. Это являлось основой сохранения межпоколенной этнической связи. Однако значительная часть ингушских женщин, проживающих постоянно в крупных мегаполисах за пределами республики не способна передать своим детям, родившимся в городе, все нормы традиционного общества. В связи с этим возникает реальная угроза потери главных этномаркирующих признаков своего народа. Многие дети, родившиеся вне республики, не знают родного языка, обычаев и традиций своего народа, не считают это нужным для социализации в обществе. Есть основание предполагать, что у ингушей, проживающих вдали от родины, из поколения в поколение будет стираться генетическая память о своем народе. На данном этапе это прослеживается в размывании многих этномаркирующих признаков народа. О такой тенденции можно судить по данным анкетирования, проведенного О.С. Павловой. Вот как распределились ответы респондентов на вопрос «Какие чувства вызывает у вас принадлежность к собственному этносу?»

Чувства	Место проживания	
	Родина	Москва / Санкт-Петербург
Гордость	76,8 %	62,5 %
Спокойная уверенность	18,2 %	25,0 %
Никаких чувств	3,0 %	2,5 %
Обиду	0,5 %	–
Ущемленность, униженность	0,5 %	5,0 %

Из таблицы видно, что большинство респондентов испытывают позитивные чувства от своей принадлежности к ингушскому этносу. Негативные чувства испытывают всего 5 % опрошенных. При этом характерно, что почти все они проживают за пределами республики. Можно предположить, что ущемленность и униженность являются следствием негативного опыта, полученного респондентами в процессе межэтнических контактов в мегаполисах.

Анализ, проведенный по методике «Неоконченные предложения», позволил О.С. Павловой конкретизировать представления

о том, что значит для ее респондентов быть ингушом или ингушкой. Ответы респондентов-мужчин носили эмоционально-оценочный характер. Респонденты приписывали себе такие общие эмоциональные черты, характерные на их взгляд для всего этноса, как темпераментность, горячность, нетерпеливость, своеволие, открытость, дерзость, гордость, хвастливость, бдительность, гуманизм. Интересно, что женщины, описывая общие аффективные свойства, указывали совсем иные: упрямство, неуступчивость, агрессивность, вспыльчивость, самовлюбленность, а также великодушие, целенаправленность. Общей в списке эмоциональных оценок стала гордость.

Ряд ответов ингушских мужчин свидетельствовал о признаках межэтнической неприязни, возникающей по отношению к ним процессе межнационального общения (мне иногда приходится скрывать свою национальную принадлежность; желаю, чтобы мой народ пользовался заслуженным уважением). Некоторые демонстрировали амбивалентную идентичность: как большинство представителей народа, я ненавижу некоторые обычаи и черты характера своего народа. В целом же для ответов мужчин характерно аффективное, даже несколько агрессивное подчеркивание своей этнической принадлежности, в котором негативные оценки себя как представителя своего этноса сочетаются с гордостью за свой народ.

Ингушские женщины при наличии достаточно большого числа негативных самооценок декларировали свою толерантность и готовность показать с наилучшей стороны себя в обществе людей другой национальности.

С целью изучения параметров автономии индивида и группы О.С. Павловой было предложено продолжить следующее предложение: «В отличие от большинства представителей своего народа я...»:

Мужчины	Женщины
<ul style="list-style-type: none"> – не приемлю некоторые обычаи, черты характера – живу не на Родине – стараюсь нести вклад в развитие республики – консервативен – ничем не отличаюсь – плохо знаю родной язык – даю своим детям свободу – люблю привносить новшества в свой мир – не умею танцевать – плохо говорю по-ингушки и не знаю многих родственников – являюсь таким же представителем своего народа – не считаю ингушский народ самым прекрасным в мире – готов критически смотреть на собственные сомнения – и не считаю долгом все и вся контролировать – быстро справляюсь с поставленными задачами и целями – терпелив, несмотря на внешнюю оболочку – эгоистичен – самокритичен – очень трудолюбив 	<ul style="list-style-type: none"> – от большинства ничем не отличаюсь – прямо высказываю свое недовольство в части, касающейся политики, геополитики, миграции и т.д. – правозащитница, дипломат. – свободололюбива, непосредственна, стремлюсь возвыситься в плане профессиональном (личностном) – в общем не отличаюсь – современная – терпелива – не патриотка – не страдаю лицемерием – могу признать ошибки своего народа и пытаться исправить их – желаю быть полезной в развитии телевизионной деятельности своего народа – непафосный человек – не живу в Ингушетии – неагрессивная – настоящая патриотка – чту другую культуру – очень спокойная – скромная, воспитанная – считаю важным, что девочки должны в первую очередь получать образование – очень довольна своей страной, самой красивой на земле – стараюсь умолчать о его недостатках – немелочная, воспитанная – безгрешна – хочу собственного личного пространства – живу в Москве (это вызывает сложность в познании этики) – не учила ингушский язык в школе

Как отмечает О.С. Павлова, чаще всего респонденты отказывались отвечать на вопрос, объясняя это тем, что мало кто из ингушей захочет устанавливать границы между собой и своей

этнической группой. Значимость принадлежности к группе для респондентов оказалась очень важна. Большинство респондентов, стремясь подчеркнуть свое единство с народом, писали: «Ничем не отличаюсь».

Респонденты, назвавшие признаки своей ингрупповой автономии, в большей степени указывали объективные факторы, такие как *не живу в Ингушетии*, или называли в качестве параметров своего несоответствия группе недостаточную степень овладения культурноспецифическими умениями: *плохо знаю ингушский язык, не умнею танцевать*.

Интересно, что в процессе установления параметров ингрупповой автономии давалась оценка своему этносу, зачастую диаметрально противоположная. Так, в качестве параметров несоответствия одними респондентами указывались такие собственные качества, как *современность*, а другими — *консервативность*, то есть в первом случае респонденты оценивали ингушскую культуру как традиционную и неизменную, а во втором случае — как подверженную модернизации.

Часть респондентов в качестве признаков автономии называла свои положительные качества, тем самым подразумевая выраженность бинарной оппозиции этого качества в своем народе: *неагрессивная, настоящая патриотка, не страдаю лицемерием, скромная, воспитанная, немелочная; самокритичен, трудолюбив*. Подобных ответов было больше у женщин. Мужчины, а также ингуши, проживающие в Москве и Санкт-Петербурге, чаще определяют себя в терминах этнической и конфессиональной принадлежности, а женщины и ингуши, проживающие на родине, — в терминах профессии, учебы и семьи [Павлова 2012: 38].

Язык

Одним из важных этномаркирующих признаков любого народа является родной язык. В последние годы замечено угасание интереса к изучению родного языка.

В феврале-марте 1995 г. в Республике Ингушетии было проведено этносоциологическое исследование, в анкеты которого были включены вопросы об уровне знания родного языка.

В опросе участвовали 38,3 % лиц со средним образованием, 58,8 % с высшим и незаконченным высшим образованием обоего пола.

Ответы респондентов на вопрос «Как вы оцениваете свое знание ингушского языка?» распределились следующим образом:

- 16,8 % ответили, что знают его в совершенстве,
- 41,1 % владеют разговорной речью (бытовой);
- 36 % говорят на смешанном ингушско-русском языке;
- 3 % знают плохо,
- 7 % уклонились от ответа на поставленный вопрос.

В числе знающих ингушский язык в совершенстве женщин вдвое меньше, чем мужчин, а говорящих на смешанном ингушско-русском языке — в 1,4 раза больше, чем мужчин [Дзаурова 2001: 352].

Незнание или плохое знание родного языка объективно привело и к тому, что значительная часть ингушских семей, особенно в городской местности, в потреблении ценностей национальной культуры, в выборе газет, журналов и книг, передач по радио и телевидению, театральных постановок отдают предпочтение русскому языку.

В 2010–2011 гг. О.С. Павловой было проведено исследование по вопросам национального самосознания и функционирования родного языка в Ингушетии, Москве и Санкт-Петербурге. Из таблицы видно, что язык для большинства респондентов является основным этноконсолидирующим и этнодифференцирующим признаком.

Этнодифференцирующий признак	Место проживания	
	Республика Ингушетия (% опрошенных)	Москва / Санкт-Петербург (% опрошенных)
Язык	88,4	77,5
Религия	70,2	32,5
Внешний вид	42,9	35,0
Черты характера, психология	29,8	72,5
Особенности поведения	27,8	72,5

Загрудняюсь ответить	2,5	2,5
Различий нет	1,5	2,5
Чем еще	–	7,5

Нельзя не обратить внимание на то, что в большинстве случаев показатели в Москве и Санкт-Петербурге сильно отличаются от аналогичных оценок респондентов из Республики Ингушетия [Павлова 2012: 282].

Ингушко-русский билингвизм является следствием государственной образовательной политики. Уровень преподавания в школах русского языка в течение 1970–1989 гг. существенно понижался, и к 1990 г. знание и родного, и русского языков у ингушской молодежи стало значительно хуже. Основываясь на материалах экспедиционных поездок в Ингушетию в 2006–2008 гг., мы попытались проследить использование двуязычия сельскими жителями и горожанами.

Все ингуши потенциально двуязычны, но в зависимости от района проживания отмечается различная степень владения ингушским языком. Сегодня жители горной сельской части Ингушетии сохранили родной язык в наиболее чистом виде и свободно владеют им. Ингушский язык остается для них важным этнодифференцирующим маркером. Но, несмотря на достаточно хорошее владение родным языком, на работе они разговаривают в основном на русском или чередуют русскую речь с ингушской. Относительно благополучная ситуация в сельской местности не может служить основанием для самоуспокоения. В равнинных районах наблюдается постепенное угасание знания родного языка, особенно это характерно для городской части населения Ингушетии (городов Малгобек, Магас, Назрань) [Албогачиева 2009: 485].

Такая ситуация, сложилась в значительной мере в высокообразованных семьях горожан. Она не способствует формированию национального самосознания в условиях семьи и существенно тормозит сам процесс этнической социализации в ней. Здесь чаще наблюдается спорадический переход с ингушского языка на русский у женской половины общества. Родным языком большинство ингушей пользуется в семье, при общении с соседями

и близкими знакомыми, на похоронах и поминках, в мечетях, во всех случаях, когда нужно общаться с людьми старшего поколения. В транспорте, на работе, в учебном заведении и в других общественных местах ингушский язык отходит на второй план, особенно среди молодежи. Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют о том, что и в городе, и на селе приоритет родного языка стремительно падает, уступая место русскому языку.

К сожалению, на государственном уровне нет установок на «закрепление» национального языка. На территории Ингушетии нет ни одной начальной национальной школы, где велось бы преподавание на ингушском языке. Отсутствие таких учебных заведений может привести к постепенному угасанию письменной формы родного языка, а в будущем — и устной [Албогачиева 2009: 485].

Другим не менее значимым фактором, способствующим изменению социальной значимости родного языка для подрастающего поколения, является воспитание в семье. Нельзя сбрасывать со счетов роль семьи в вопросе сохранения и развития родного языка и национальной культуры, в формировании этнического самосознания. Главная роль в этом процессе принадлежит ингушской женщине, которая не в полной мере реализует свои функции по приобщению детей к родному языку и ценностям национальной культуры. Можно предположить, что, если не будут предприняты соответствующие меры, уже через пару поколений русский язык станет среди ингушей доминирующим, а это в свою очередь приведет к угасанию ингушской культуры.

Религия

В советские годы, когда в Ингушетии, как и на всей территории СССР, проводилась мощная антирелигиозная работа, в республике не осталось ни одной действующей мечети. Ситуация начала меняться в 1980-е годы, когда постепенно стали открываться мечети в ингушских селениях, например Барсуки, Сурхохи. С началом перестройки появилась возможность открыто выражать религиозные чувства и соблюдать нормы ислама. А после

образования Республики Ингушетия произошли еще более значительные изменения в религиозной жизни.

В апреле 1993 г. в Ингушетии прошел съезд мусульман республики, на котором был образован Муфтият Ингушетии, ставший крупным духовным центром и высшим религиозным органом мусульман Республики Ингушетия [Албогачиева 2007: 87]. За эти годы была проделана огромная духовно-просветительская работа среди местного населения, в школах республики ведется преподавание основ ислама, на страницах газеты «Светлый путь» печатаются новости из жизни духовенства республики, различные хадисы, расписание намаза, составленное Советом алимов республики, на радио «Ангушт» ведутся беседы по различным аспектам исламской культуры, выходят программы, посвященные духовным основам всех мировых религий, проводятся передачи, посвященные истории Ингушетии, ингушскому языку и литературе и, конечно, ведению домашнего хозяйства. Особой популярностью радио обязано творческому коллективу. На «Ангуште» работают и девушки из различных сел и городов республики, получившие высшее образование в Москве, Ростове-на-Дону, Ставрополе и т.д. Они готовят различные передачи для женщин, которые очень востребованы у оторванных от цивилизации сельских жительниц Ингушетии. В Интернете есть собственная страница радио «Ангушт» <<http://radio-angusht.ru/>>, где можно не только услышать, но и увидеть некоторые передачи в режиме онлайн.

В этом году в Интернете появился новый женский журнал «Леди гор» <<http://www.ladygor.ru/pub>>, адресованный ингушским и чеченским женщинам. На страницах этого издания можно получить ответы на различные вопросы, интересующие местных женщин, начиная от внешности и заканчивая различными аспектами духовной жизни. На этом сайте регистрируются жительницы и сел, и городов.

Говоря об исламе, нельзя не отметить роль святых мест — зияратов — Ингушетии, которая возросла перестройку и в постсоветский период. «Открытие» мест захоронений святых предков, возведение на этих местах мавзолеев стали важным элементом самоидентификации для значительной части мусульман Ингуше-

тии. Высокую значимость обрели коллективные паломничества, молитвы и жертвоприношения. Несмотря на негативное отношение мусульманского мира к культу святых, он очень распространен в Ингушетии и Чечне. Как правоверные мусульмане, ингуши почитают эти места, но не поклоняются им. Так считают и многие исследователи. В ингушском варианте суфизма это дань уважения к тем, кто принес или утвердил позиции ислама среди ингушей.

Особо почитаемыми в месяц рамадан являются могилы матери Кунта-Хаджи Хэди и его отца Кунты, его сестер и братьев, Зераты Дени Арсанова, Багал-Хаджи Белхароева, Хусейн-Хаджи Гарданова и многих других, с именами которых ингуши связывают свою религиозную приверженность. Регулярно из Назрани и Кантышева, Малгобека и других мест отправляются микроавтобусы с гидами, которые рассказывают о деятельности и духовных основах тариката основателей вирдовых братств Чечни и Ингушетии. Нередко в числе пассажиров можно увидеть ингушек, живущих в различных уголках РФ (Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Ставрополе и других городах).

Значительная часть ингушей, живущих в городе и в селе совершают намаз. Это одинаково относится к сельским и городским жителям ингушской национальности. Рассмотрим это явление на примере одной петербургской семье, где все дети родились, выросли и получили высшее образование в Санкт-Петербурге. Дочь моей закомой рассказала, что она делает ежедневно пятикратный намаз, хотя его не делают ее родители, значительную часть своей жизни прожившие в Северной столице. Они аргументируют свое отступление от одного из основных столпов ислама тем, что получили атеистическое воспитание и теперь им сложно перестроиться и заставить себя делать намаз [ПМА 2010].

Религия в жизни мигрантов. В последние десятилетия из республики идет отток населения в другие регионы страны и мира. Стремительная глобализация, информационная революция, интенсификация международного обмена в условиях всеобщего рынка формирует новый тип личности — гражданина мира, человека Вселенной, не связанного с конкретной страной, языком,

традициями и даже семьей. Современный ритм жизни требует от человека мобильности, постоянного поиска оптимальных возможностей. Семейный клан со своими консервативными традициями является тормозом в развитии личности эпохи глобальных перемен. Это не может не сказываться и на мусульманских народах, которые также стремительно вовлекаются в глобальные экономические отношения. Эмиграция на Запад из стран мусульманского мира стремительно набирает обороты. Мигранты вынуждены жить в совершенно иных социально-экономических условиях, которые составляют разительный контраст с их прежним образом жизни. Неограниченная индивидуальная свобода, огромный выбор возможностей, перспективы достижения материального благополучия, развитие предпринимательской инициативы — все эти факторы влияют на молодых мусульман, многие из них с удовольствием вестернизируются, перенимая западные стандарты поведения [Балтанова 2005: 191].

Приезжая в некоторые европейские страны, куда массово эмигрировали ингуши после осетино-ингушского конфликта 1992 г., встречаясь с эмигрантами-ингушами, я заметила, что многие женщины внешне никак не обнаруживают себя как мусульманки, но в то же время выполняют пятикратный намаз, соблюдают пост, читают молитвы, празднуют мусульманские праздники. Основной аргумент, который они приводят, — это нежелание выделяться из общей массы, чтобы не настраивать против себя местное сообщество, зачастую негативно воспринимающее мусульман. «Главное, что мы в душе мусульманки, а внешние атрибуты необязательны» [ПМА 2011]. Таков ответ многих из них. Для социализации в местном обществе и реализации своих творческих планов им необходимо быть такими, как все, хотя бы внешне, оставаясь в душе приверженными традиционным нормам ингушского общества. Вместе с тем есть ингушки, которые выглядят и ведут себя по всем нормам ислама, но это чаще всего домохозяйки, живущие на дотации, выделяемые им в стране пребывания.

Говоря о религиозных практиках, нельзя не сказать и о пятом столпе ислама — хадже, обязательном для всех мусульман при

физическом здоровье и наличии средств. Ежегодно из различных уголков страны ингушки отправляются в хадж, пользуясь услугами туроператоров, специализирующихся на хадже. Больше всего паломниц, естественно, из Ингушетии. Мы не располагаем статистическими данными о количестве сельских и городских ингушек, совершивших хадж, но, основываясь на собственных полевых материалах, можем с уверенностью отметить, что паломничество не зависит от места проживания, будь то город или село. Играют роль физические и финансовые возможности женщин, отправляющихся к святым местам.

Одежда

Одежда ингушей, сохраняла основные традиционные черты вплоть до 1920-х годов. Большое влияние на облик ингушей оказал город Владикавказ, откуда проникали новые формы одежды, убранства, что приводило к изменению костюма горянки. О таком влиянии сообщает очевидец в своей статье о празднике в Базоркино: «Традиционный костюм туземной девушки начинает, по-видимому, делать некоторые уступки цивилизации: легкие национальные чуваки в праздничном наряде почти уже вытеснены европейскими ботинками; на руках у некоторых девушек мы заметили лайковые перчатки, а кокетливая прическа одной из них, с искусственно завитыми локонами над самыми бровями, обнаружила знакомство с щипцами и папильотками» [Очевидец 1897: № 47]. Из этой цитаты следует, что город постепенно становился проводником европеизированных культурно-бытовых стандартов в горскую среду.

Городская среда, конечно, формировала и формирует новые стереотипы поведения, нетипичные для ингушей, и на некоторые отступления от правил они смотрят без излишней драматизации. Так, в традиционной женской одежде нет практики ношения брюк, соответственно, брюки на женщине воспринимаются как отступление от правил. Но значительная часть девушек, проживающих в городах России, за рубежом, и некоторые девушки в Ингушетии носят брюки. Вместе с тем, если к ингушу приходят в гости чужие мужчины или люди преклонного возраста, уче-

ные алимы, ни одна уважающая себя хозяйка дома, независимо от того, где она живет, не позволит себе появиться перед ними в брюках или в открытой одежде и с неприкрытой головой. На голову ингушки надевают платок, в крайнем случае — полоску или ободок. И женщины, и девушки традиционно предпочитают длинные волосы, если стрижки, то не очень короткие.

Современная одежда ингушки состоит из юбок, блузок и платьев фабричного производства, без этнических компонентов. Единственный традиционный национальный костюм, бытующий сегодня в Ингушетии, — свадебный *чукхи*, состоящий из нижнего и верхнего распашного платья с длинными рукавами. Обязательными составляющими этого старинного праздничного наряда остаются шапочка, нагрудник, пояс, сумочка и длинный шарф или фата. Многие молодые пары и их родные предпочитают видеть невесту в ингушском национальном свадебном наряде [Донская 2005: 30].

Этот наряд любят надевать и городские, и сельские невесты. По свадебному костюму невозможно отличить сельскую невесту от городской, так как и те и другие могут быть как в традиционном народном одеянии, так и в европейских платьях. В Ингушетии существуют салоны, специализирующиеся на пошиве старинных свадебных костюмов, но с учетом современных направлений моды. В этих салонах огромный выбор свадебных нарядов и аксессуаров к ним — это диадемы, шапочки, нагрудники и пояса, перчатки и шарфики. Все выдержано в национальном стиле. Даже платья европейского покроя сшиты с учетом национальных особенностей, так как для ингушской невесты совершенно неприемлемы открытые наряды с глубоким декольте, без рукавов, с глубокими разрезами на юбках и прочее. В салоне много платьев, но ни один свадебный наряд при сохранении стиля ингушского свадебного костюма не повторяет другой. Широкий выбор тканей и большое разнообразие фурнитуры позволяет украсить каждую модель по вкусу заказчика. Но для тех, кто остановил свой выбор на национальном костюме, неизменным остается фасон *чукхи*, состоящий из нижнего и верхнего платья. Обязательными составляющими этого старинного праздничного наряда остаются: ша-

почка, нагрудник, пояс, сумочка. К каждому наряду подбирается длинный шарф или фата, украшенная различными элементами декора и соответствующая цветовой гамме основного наряда.

Свадебные ингушские платья шьются на заказ ингушскими невестами, живущими не только в республике, но и далеко за ее пределами. Даже иностранки, работающие в Ингушетии, шьют на заказ ингушское свадебное платье, желая идти под венец в таком необычном наряде [Французские модницы выходят замуж в ингушских платьях 2006: 154]. Многие девушки, живущие продолжительное время в Европе, также заказывают эти платья в Ингушетии. Популярность национального костюма связана и с тем, что большое разнообразие свадебных платьев и их внешняя несхожесть их позволяет ингушским невестам быть оригинальными.

Ингуши стремятся не утратить и сохранить наиболее яркое в традиционной одежде при современной тенденции в обществе следовать новым направлениям моды [Албогачиева 2008].

В последние годы появилось большое количество ингушских женщин, облачившихся в хиджаб. Многие молодые девушки одеваются с соблюдением всех норм ислама, даже если их матери не носят и не носили на голове платок. Такое явление характерно для незначительной части современной молодежи, проживающей в основном в сельских районах Ингушетии.

В этом контексте хочется отметить, что значительная часть ингушских женщин разделяет мнение Г.Р. Балтановой: «Для многих женщин головной убор в любой его форме является доказательством и демонстрацией их религиозности, для других не менее убежденных мусульманок одежда и внешний вид не имеют никакого значения, религия является их частным делом, состоянием души и не должна никаким образом выставляться напоказ» [Балтанова 2005: 268].

Образование и работа

В Республике Ингушетия женщины имеют свободный доступ к образованию, как к среднему, так и к высшему. Неуклонно идет рост образовательных ориентаций молодежи, связанных

Султыгова Захидат Хасановна

с развитием экономики и требованиями рынка труда. Высшее образование предоставляет больше шансов для трудоустройства. Поэтому с каждым годом все больше выпускников средних школ стремятся поступить в высшие учебные заведения. Примечательно, что 60 % выпускников вузов республики — представительницы прекрасного пола. Большая

часть из них закончила обучение в Ингушском государственном университете, профессорско-преподавательский состав которого в значительной массе своей состоит из женщин. В руководстве университета они тоже представлены — проректор по научной работе доктор химических наук профессор Захидат Хасановна Султыгова руководит Управлением научно-исследовательской работы, курирует организацию международного сотрудничества, инновационных проектов, является заместителем председателя Ученого совета Университета. Проректор по воспитательной работе кандидат психологических наук доцент Р.М. Булгучева руководит Управлением по воспитательной работе, курирует студенческий совет и студенческий профсоюзный комитет университета.

С учетом местных особенностей и менталитета студенток в университете под руководством кафедры физической культуры и спортивного клуба функционируют различные секции по игровым видам спорта и специальная группа здоровья для женщин.

Ингушский государственный университет — научно-образовательное учреждение, которое является центром подготовки высококвалифицированных кадров почти по всему спектру

специальностей, требуемых для региона, в том числе для средней и высшей школы, научных организаций, структур государственного управления и экологической службы горных заповедных территорий. Именно женщины выступают как высококвалифицированные специалисты с высшим образованием по языку, литературе и истории народа. Они, как будущие матери, являются проводниками важных этномаркирующих признаков ингушского народа.

Марет Гайсултановна Цароева

Ингушские женщины-профессора преподают в системе отечественного и зарубежного высшего образования. Предмет особой гордости Ингушетии — Марет Гайсултановна Цароева. В 1996 г. она, выиграв международный грант в Швейцарии для подготовки докторской диссертации по языку Парижа и прилегающих регионов, переехала жить во французскую столицу. За это время она дважды становилась доктором наук: сначала по специальности «история религии», а затем и по этнологии. В настоящее время Марет Гайсултановна работает заведующей архивами французского этнолога и фольклориста Женевьёв Масиньён в Национальной библиотеке Франции и является членом Лаборатории по изучению монотеистических религий (Sorbonne-IV, EPRH, CNRS).

В последние десятилетия многие ингушки получили доступ к высшему образованию и занятиям наукой и искусством. Хотя еще совсем недавно, в конце XIX — начале XX в., ингушские женщины об этом не могли и мечтать. Это были безмолвные за-

творницы, вся жизнь которых протекала в пределах семьи и родного аула.

Традиционно считалось, что ингушская женщина далека от политики и политических процессов. Однако было бы ошибочным считать, что данная ситуация характерна только для ингушек. Специалисты, изучающие политическое сознание россиян, считают, что аполитичность характерна для значительной части российского населения и в особенности оно присуще женщинам.

Анализ имеющихся данных показывает, что реальная включенность ингушских женщин в деятельность общественных организаций, политических движений и национально-культурных объединений действительно невысока. Так, на руководящих постах женщин заметно меньше. В администрации президента РИ 10 % женщин-руководителей (помощников, начальников отделов).

В аппарате правительства РИ работает много женщин — более 50 %, из них 40 % — работники среднего звена, два министра, семь замминистров. Руководители и заместители руководителей ЗАГС РИ и ГТРК «Ингушетия» — женщины. Три женщины занимают должность заместителей глав администраций городов и районов республики. В парламенте Республики Ингушетия из 27 депутатов три — женщины, 90 % — женщин-руководителей (помощников, начальников отделов), 86 % — работников среднего звена. На состоявшихся в ноябре 2009 г. выборах в Общественную палату Российской Федерации общественные организации Республики Ингушетия также выдвинули кандидата-женщину — профессора МГУ [Арапханова 2009].

Эти данные свидетельствуют о том, что наметились существенные изменения в представлении женщин о мужской монополии на занятие политикой, появились тенденции, свидетельствующие о готовности части ингушских женщин потеснить мужчин в этой сфере деятельности. В 2007 г. в «Российской газете» была опубликована статья «Деликатная политика», посвященная женщинам в регионе. В ней отмечалось, что «в Ингушетии сразу две представительницы слабого пола заняли высокие руководящие посты. Первый вице-премьер правительства РИ Хава Евлоева — первая женщина в истории республики, ставшая заместителем

председателя правительства. Ингушская Маргарет Тэтчер, или железная леди, как ее называют коллеги и журналисты, обладает не только привлекательной внешностью, но и огромным опытом работы в органах власти и управления. <...> Устильгова — профессионал, знающий, куда и на что идет каждая республиканская копейка. Рачительная хозяйка, у которой и в главном кошельке республики, и дома все разложено по полочкам. На должность министра финансов кандидата экономических наук Асет Устильгову назначили в сентябре 2004 года. До этого она работала помощником председателя правительства РИ по экономическим вопросам, а в 2003 году была советником президента Ингушетии] [<http://mediacratia.ru/owa>].

Из года в год возрастает число ингушек, успешно трудящихся в важнейших отраслях экономики и социальной сфере, в системе образования, учреждениях здравоохранения и культуры и спорта. Активную социальную позицию ингушских женщин демонстрируют данные О.С. Павловой [Павлова 2012]. Большинство ее респонденток прямо высказывают свое недовольство в части, касающейся политики, геополитики, миграции и т.д., считают себя правозащитницей, дипломатом, свобододолюбивы, непосредственны, стремятся возвыситься в профессиональном и личном плане.

Желание реализовать свои возможности имеются у большинства ингушских женщин, но отсутствие возможностей резко тормозит всестороннее развитие ингушек.

Для Ингушетии характерно отсутствие культурно-развлекательных мероприятий и учреждений. В республике нет ни одного кинотеатра, развлекательного центра, клубов по интересам, женских журналов, газет, психологических центров, телефонов доверия и т.д. Женщины проводят свое свободное время в косметических салонах, в торговых центрах, а те, кто не имеет финансовых возможностей для «выхода в свет», довольствуются домом.

В республике на протяжении 6,5 лет функционирует единственный женский фитнес-клуб с оригинальной табличкой «Мужчинам вход строго воспрещен». Весь персонал состоит исключительно из женщин, начиная от охраны и заканчивая тренерами.

Этот клуб пользуется особой популярностью среди женской части города Назрани и его окрестностей. Среди посетителей клуба значительная часть женщин, проживающих в городах Ингушетии, но есть и селянки. Возрастной состав очень разнообразен, здесь можно встретить и школьниц, и студенток, и женщин преклонного возраста.

До последнего времени в Ингушетии женщины были очень мало представлены в спорте, но в последние годы они достигают значительных результатов. К 20-летию образования Республики Ингушетия сельская учительница Алиуртовской школы Лейла Албогачиева покорила самую высокую точку планеты — Эверест. Она была единственной женщиной в составе альпинистской сборной. Благодаря ей с 20 мая на самой высокой вершине мира развевается флаг Республики Ингушетия, символизируя успехи, достигнутые за 20 лет с момента восстановления государственности. Лейла выросла в многодетной сельской семье, ее мать была удостоена награды «Мать-героиня».

Совсем неженским спортом занимается и чемпионка по кик-боксингу 2004–2011 гг., чемпионка мира 2005, 2009 и 2011 гг., победитель Всемирных игр в Пекине, мастер спорта международного класса Фатима Бокова.

Женщин в спорте еще очень мало, так как живущим в Ингушетии гораздо труднее добиться значительных успехов в спорте, чем тем, кто живет в крупных городах, где есть множество спортивных клубов и всевозможных секций.

Семья, дети и семейные ценности

В настоящее время, несмотря на нестабильность современного общества, семья и семейные ценности по-прежнему важны для ингушей, хотя и подвержены влиянию ряда объективных и субъективных причин, ослабляющих традиционные устои. В этом контексте необходимо отметить, что для ингушского общества совершенно неприемлемы существующие в современном мире практики незарегистрированных браков, гостевые и экстерриториальные союзы (их еще называют «браками выходного дня») или другие формы отношений — «открытые» браки, когда каж-

дый из супругов пользуется полной сексуальной свободой, а также групповые браки — принадлежность молодежной культуры (в них объединяются несколько пар (две-три), которые живут «коммуной» в течение двух-трех лет).

У ингушей браки заключаются следующим образом. Молодые люди, принявшие решение вступить в брачный союз, оповещают об этом родных. Далее инициатива переходит к родителям молодого человека. Если они согласны с выбором сына, то посылают сватов, если не согласны, отказываются это делать. В таких случаях некоторые молодые люди игнорируют мнение родителей и решаются прибегнуть к умыканию невесты.

Несмотря на то что обряд похищения невесты как один из институтов обычного права ингушей противоречит основам шариата, мусульманского права, он оказался удивительно живучим. Большая часть ингушского общества его не одобряет. Но он практикуется в силу низкого социально-экономического уровня развития Ингушетии.

Молодые люди, вставшие перед выбором спутницы жизни, вынуждены выплатить 40 тыс. рублей в качестве калыма. При наличии материальных трудностей они прибегают к умыканию невесты. Бывает так, что сами родители вынуждены дать согласие на это, чтобы избежать предстоящих материальных затрат, связанных с женитьбой. Для этого в назначенное время молодой человек в сопровождении друзей приезжает в условленное место, сажает девушку в машину и увозит в дом родственников или знакомых.

Нужно отметить, что умыкание девушек чаще практикуется в селах, реже — в городах республики и крайне редко среди ингушей, проживающих в мегаполисах Российской Федерации. По существующему законодательству, за кражу невесты молодой человек может быть осужден, возможно, это главный сдерживающий фактор для тех, кто живет за пределами Ингушетии.

Огромное значение для всех членов общества всегда имело и имеет общественное мнение, особенно если оно касается женской части общества. Любой поступок женщины всегда будет объектом всеобщего внимания, поэтому они всячески стремятся

соблюсти все нормы обычного права, дабы не навлечь на свою семью беду. Один и тот же поступок, совершенный женщиной и мужчиной, будет оценен обществом не в пользу слабого пола. Если женщина вступит в брак с представителем другой национальности, это будет расцениваться как нечто из ряда вон выходящее, тогда как мужчину в такой ситуации мало кто осудит.

Возможно, поэтому ответы на вопросы, касающиеся отношения к межнациональным бракам, у женщин более категоричны, чем у мужчин, хотя статистически значимых различий между ответами мужчин и женщин не обнаружено.

Таблица 2

Отношение к межнациональным бракам

	Ингуши (%)	Ингушки (%)
хорошо	6,7	1,7
нормально	21,7	19,0
безразлично	–	3,4
отрицательно	40,0	35,2
сдержанно	3,3	1,7
нормально, если это мусульманин	1,7	15,6
терпимо	10,0	3,4
удивленно	1,7	0,6
нежелательно	1,7	3,4
смотря какой человек	–	0,6
нормально, если чеченец или ингуш	–	2,2
смирилась	–	1,1
любовь превыше всего	3,3	1,1
мое мнение не имеет значение	1,7	1,7

Из всех межнациональных пар на территории Ингушетии в 1993–2004 гг.² с ингушскими женщинами в официальном браке

² С 2005 г. графа «национальность» в паспортах Российской Федерации отсутствует, в связи чем данные по последующим годам отсутствуют.

состоят только чеченцы, все остальные браки приходится на ингушских мужчин с представительницами следующих национальностей: чеченка, русская, осетинка, грузинка, балкарка, татарка, кабардинка, даргинка, немка, карачаевка. Наиболее часто браки заключаются с чеченскими и русскими женщинами, остальные национальности расположены по мере убывания.

Общее количество межнациональных браков, заключенных в период с 1993 г. по конец 2004 г. (сведения по межнациональным бракам предоставлены помощником министра по связям общественностью и межнациональным отношениям Республики Ингушетия Т.Ш. Гайсановым)

Назрановский район

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
9	34	15	21	6	8	27	14	19	9	12	11
итого											192

Малгобекский район — 57 (из них развелись 4 пары)

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
12	14	23	12	18	18	19	51	34	18	22	21
итого											3157

г. Малгобек — 35

2002			2003			2004		
8			16			11		

г. Карабулак — 40 (из них развелась одна пара)

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
–	2	5	1	5	6	8	6	5
Итого: 40								

Сунженский район — 426 (из них развелась одна пара)

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
17	15	14	22	16	17	28	11	57	55

Джейрахский район — 15 (из них развелись две пары)

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
–	–	1	2	-	3	2	1	-	4	2

Итого за исследуемый период в Республике Ингушетия заключено 1185 межнациональных браков.

Количество межнациональных браков в Ингушетии

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
38	77	43	69	41	44	82	211	141	117	79	64

Несмотря на то что современные ингуши — мусульмане-сунниты, еще очень сильны ингушские адаты, которые регулируют многие сферы жизни традиционного общества. Так, по законам шариата каждый мусульманин имеет право брать себе в жены любую мусульманку независимо от ее национальной принадлежности, тогда как по ингушским адатам желательно брать себе в жены только женщин ингушской национальности.

Конечно, и в ингушской среде встречаются исключения из правил: очень малая, незначительная часть женщин выходит замуж за иноверцев. Но чаще всего такая женщина бывает отвергнута семьей и обществом.

Мужчина-ингуш, вступая в брак с представительницей другой конфессии, обращает ее в свою веру, так как официальный обряд заключения брака совершает в первую очередь мулла, который должен совершить обряд именно по мусульманским канонам. Для этого необходимо, чтобы брачующиеся были единоверцами, иначе союз невозможен. В Ингушетии не все брачующиеся оформляют свой союз в Загсе. Некоторые семьи вовсе не регистрируют свой брак.

Для представительниц других национальностей, вступающих в брачный союз с мужчинами ингушской национальности, очень важно пройти регистрацию брака в ЗАГСе. Таким образом они закрепляют свои отношения юридически, для того чтобы в случае развода можно было рассчитывать на помощь со стороны государства [ПМА 2011].

В Ингушетии существует полигиния, но масштабы этого явления незначительны. Многие ингушки предпочитают остаться одиночками до конца жизни, чем связать свою судьбу с женатым или разведенным мужчиной. Значительная часть девушек, не создавших семью, отдают себя полностью любимой работе и учебе. Чаще всего это горожанки, профессионально состоявшиеся одиночки, надеющиеся только на себя. Они более успешны, предприимчивы, самодостаточны, так как у них была возможность реализовать свои возможности в отличие от тех, кто живет в сельской местности, довольствуясь минимальными благами цивилизации. У таких женщин часто более высокий экономический статус, чем у некоторых мужчин. Так, 80 % жилья в многоквартирных домах, строящихся в Магасе, покупают вдовы и разведенные женщины [ПИМА 2012]. В скором будущем значительная часть постоянного столичного населения будет представлена женщинами.

В целом общественное мнение в Ингушетии негативно настроено к многоженству. По шариату мужчина имеет право брать себе в жены до четырех женщин, но при условии, что он сможет создать им равные условия и ко всем относиться одинаково, посещая каждую из них по графику. Но ингушским мужчинам, как, впрочем, и всем остальным россиянам, это не под силу. Женщина ощущает свою ущербность в полигамном браке, да и законы Российской Федерации делают ее положение бесправным.

Независимо от того, как был заключен брачный союз, ингушская семья остается относительно стабильной, в чем немалая заслуга принадлежит этнокультурным традициям, которые еще культивируются и поддерживаются в обществе. В ингушском обществе всегда был культ мужчины. Проблема неравенства и асимметрии ролей мужчины и женщины в ингушском обществе была всегда актуальна.

Особенно ярко эта гендерная проблема вырисовывалась в механизме распределения власти и принятия решений в семье. В большинстве семей властный фактор всегда был первичен. Все, что связано с репродуктивными функциями, домашним хозяйством, уровнем доходов членов семьи, можно было рассматривать как вторичный фактор. Чаще всего муж принимал решения

без участия жены или ставил ее в известность, констатируя факт, даже если женщина приносила в семью большую часть дохода.

Важным показателем изменения семейных отношений в Ингушетии и их демократизации является уменьшение власти мужчины. Он по-прежнему считает себя главой семьи, как в городе, так и в сельской местности. При опросах, проведенных в полных ингушских семьях, где имеются оба супруга, главами себя назвали мужчины, хотя фактическим лидером семьи была женщина. Она же считает, что ей традиционно не положено называть себя главой семьи. В авторитарных семьях главою семьи бывают только мужчины.

В городских ингушских семьях главенство в семье нередко становится формальностью, так как оно связывается со взрослым сыном или дочерью. В современной ингушской семье проблема лидерства решается на психологической и нравственной основе. Городские семьи в отличие от сельских делятся по принципу демократизации на нетрадиционные и коллективистские. «В ингушской городской семье, в отличие от сельской, женщина более независима от семьи и мужа. Ее роль в семье связана с занятостью в общественном хозяйстве и общественной жизни и культурным уровнем. Положение и роль женщины в современной ингушской семье зависит не только от объективных, но и от субъективных причин и от сложившихся в семье традиционных установок и этнических особенностей, от микроклимата и психологического фона в семье, от характеров супругов и от их образовательного уровня. Все это неотделимо от объективных процессов демократизации семейных отношений в Ингушетии» [Озиева 2009: 21]. Нетрадиционные семьи предполагают участие женщины в производстве при условии, что она готова пожертвовать профессиональной карьерой и работой ради детей и мужа.

Ингушские семьи по характеру отношений условно можно поделить на авторитарные и эгалитарные. В первом случае глава семьи единолично решает вопросы, касающиеся семьи. В эгалитарных же ингушских семьях супруги и другие члены семьи одинаково принимают участие в решении проблем семейной жизни. В городских эгалитарных ингушских семьях демократизация

семейных отношений проявляется сильнее, чем в сельских, так как они менее подвержены влиянию традиционного ингушского общества. Как известно, в ингушских селах многие семьи живут кланами и испытывают влияние местного социума, состоящего из близких родственников и соседей.

Необходимо отметить и еще одну важную особенность авторитарных семей. В семьях, где муж традиционно лидирует, жена не занята профессиональным трудом, а ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей.

Социально-экономические проблемы лишают современную ингушку возможности полноценно трудиться, приносить пользу обществу, влиять на сохранение национальных традиций и обычаев и развитие достойного подрастающего поколения в духе ингушской культуры. Вместе с тем не все так драматично. Многие дети, как и прежде, прислушиваются к советам своих родителей, но родители уже не могут безгранично влиять на их судьбы. Конфликтные ситуации в ингушских семьях возникают из-за нежелания детей следовать воле родителей при выборе профессии, получении образования, выборе спутника жизни. Родители в ингушских семьях нередко и сегодня навязывают свою волю детям. Расхождения во мнениях чреваты ухудшением семейных отношений [ПМА 2011].

В ингушском обществе нет брошенных детей, нет детских домов и приютов. Еще очень силен контроль за положением ребенка в обществе со стороны всего социума. Если ребенок остается без родителей, его на воспитание берут родственники, но без семьи он не может быть. Это относится к любому ребенку ингушской национальности.

В этом контексте хочется отметить еще сохраняющуюся традиционную модель межличностных отношений между старшими и младшими. Каждый уважающий себя человек должен с почтением относиться к старшим. Часто в ингушских семьях можно увидеть пожилых людей, живущих с молодой супружеской парой. Как правило, это их бабушки или дедушки, иногда тети и дяди или родственники их родителей, не имеющие своих детей и оставшиеся на старости лет без присмотра близких. В

таких случаях этих людей берут к себе на постоянное жительство близкие или дальние родственники. В семьях, где есть больные и немощные старики, чтобы облегчить жизнь семьи, составляется график, по которому за больными ухаживают по очереди все родственники. В ингушском обществе никогда не было брошенных стариков, следовательно, нет и домов престарелых.

Даже ингуши, живущие за пределами Ингушетии, никогда не позволят себе отдать своих родителей в дом престарелых. На сегодняшний день это самое ценное, что еще удалось сохранить ингушам. И, конечно, все бытовые сложности лежат на плечах ингушских женщин, так как ингушские мужчины крайне редко участвуют в ведении домашнего хозяйства.

Для большинства ингушей характерна трехпоколенная семья. С родителями остается жить младший сын и невестка, отступление от правил порицается обществом. Поэтому на младшего сына и его жену ложится основной груз хлопот, связанных с бытом и обеспечением семьи. Они так же должны встречать, провожать, обхаживать всех гостей и стараться всем угодить. Таков этикет гостеприимства. При этом старшей женщиной в доме остается мать мужа, которая является распорядительницей и хозяйкой дома. Что примечательно, эта модель характерна для ингушской семьи, где бы она ни жила — в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Париже, Нью-Йорке и т.д. Эта универсальная модель зиждется на устойчивом ингушском менталитете.

Есть и однопоколенные семьи, в которых муж и жена живут без родителей. В таких семьях отношения между супругами более демократичные, они помогают друг другу в ведении домашнего хозяйства, что нехарактерно для трехпоколенной семьи. Отказ от больших семей более характерен для жителей городов. Это стало нормой не только для детей, но и для родителей. Так, некоторые современные ингушские дедушки и бабушки не хотят жить с детьми и внуками и держатся подальше от молодых.

Житель г. Карабулака рассказал, что он и его жена, имея трех сыновей и двух дочерей, живут в свои 60 лет одни, без детей и внуков. Они считают, что жизнь большой семьей нарушит их покой и планы. Они хотят быть независимыми от своих детей. Глава

семейства рассказывает, что каждый год ездит к своим дочерям которые живут в Европе, одна — в пригороде Парижа, другая — в Хельсинки, куда они переехали после осетино-ингушского конфликта. Родители имеют шенгенскую визу и на собственном автомобиле ездят по миру и не желают воспитывать внуков. Они считают, что заслужили покой и отдых [ПМА 2011].

Одним из ведущих факторов изменения ролевой структуры является разрушение традиционной среды жизнедеятельности семьи, характерной в прошлом для ингушского этноса, которое ведет к разрушению традиционных механизмов поддержания гендерной, возрастной и социально-статусной идентичности. «Глобализация, являющаяся ведущей тенденцией развития современного мира, приводит к нивелированию традиционного распределения ролей между мужчинами и женщинами. С точки зрения глобализации каждый человек рассматривается как единичный “человеческий ресурс”, потенциальный агент рыночных отношений. Индивидуальность, духовность, неповторимость личности стираются в жерновах глобальных социальных и экономических катаклизмов» [Балтанова 2005: 355].

Так, после осетино-ингушского конфликта и первой, и второй чеченской кампании случился перекокс в национальном самосознании. «Последствиями этого конфликта явились значительные человеческие жертвы, потеря жилья, имущества, работы, всего привычного уклада жизни. Следствием высокого уровня безработицы среди мужского населения явилось нарушение полоролевой дифференциации в семье.

Типичным стало превращение в фактического кормильца семьи женщины, нашедшей себя в области торговли и в сфере обслуживания — в сферах, традиционно непрестижных для мужчин. Этот факт сказывается на гендерном аспекте. Для семьи стало типичным фактическое равноправие супругов при внешнем для постороннего глаза лидерстве супруга» [Долакова 2006: 11].

Осознание новых гендерных ориентаций в современной культуре связано с существенным расширением приватного пространства женщины, с активизацией ее социальных практик и в конечном итоге с изменением ее социальных и гендерных статусов,

поведенческих и мотивационных стереотипов. Описанная ситуация характерна для жителей городков беженцев, где проводилось данное исследование, и отвергать ее нет смысла. Нужно только отметить, что, возможно, это локальная модель и типична для семей, живущих в экстремальных условиях в отрыве от традиционного уклада жизни (без родителей, братьев и сестер).

Многодетные семьи и высокая рождаемость всегда считались национальным достоянием Ингушетии. У ингушей всегда был культ семьи, большой семьи, где каждый член буквально с рождения наделен определенными правами и обязанностями по отношению к другим родственникам. И чем больше семья, тем она считалась богаче и сильнее.

Двухпоколенная семья М. Урусханова.
Фото Я.М. Урусханова, 2007 г.

С годами многое изменилось, но семья все же остается главным смыслом жизни ингуша. Для ингушей характерны многодетные семьи, особенно для жителей сельской местности. Иметь пять-семь детей до недавнего времени считалось нормой для среднестатистической ингушской семьи. Раньше многодетными признавались только семьи с пятью и более детьми — в Ингушетии таких насчитывалось более 50 % от общего числа. Теперь многодетными являются уже семьи с тремя детьми — количество таких семей также преобладает над теми, в которых один или два ребенка.

Неудивительно, что региональное правительство учредило дополнительное единовременное пособие: при рождении восьмого ребенка родители получают десять тысяч рублей, на девятого — одиннадцать тысяч и так до восемнадцати тысяч — при появлении на свет пятнадцатого ребенка. В настоящее время в органах социальной защиты на учете состоят более 150 семей, имеющих десять и более детей

Таблица 3

Рождаемость 2004–2009 гг.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всех родившихся	6794	6777	7391	8284	9215	9572
Родившихся в городе	3119	3021	3242	3664	4017	4065
Родившихся в селе	3675	3756	4149	4620	5198	5507

На современном этапе очень острой проблемой современной демографической ситуации и состояния семейно-брачных отношений в Российской Федерации является снижение рождаемости. Однако на фоне неблагоприятных демографических процессов, охвативших Россию на рубеже тысячелетий, Ингушетия занимает лидирующие места по рождаемости в стране.

За последний год в Ингушетии рождаемость выросла за год на 46 %. Если в 2009 г. в республике на тысячу человек приходилось в среднем 18,7 рождений, то в 2010 г. — уже 27,3. И причиной тому послужила не только высокая фертильность ингушских женщин о которой часто говорят СМИ, но и республиканская программа льготной ипотеки и субсидий на строительство жилья. Ведь детское пособие на одного ребенка в размере 100 рублей имеет чисто номинальный характер и не может покрывать не только альтернативные услуги, но и детский прожиточный минимум.

Ранее динамика рождаемости в Ингушетии совпадала с общероссийской, однако после начала работы республиканской программы жилищных субсидий и льготной ипотеки произошел взрывной рост рождаемости, так как в рамках этой программы молодым семьям, стоящим на учете в республиканском комитете по делам молодежи, может быть оказана безвозмездная финансовая поддержка в размере 35–40 % от стоимости приобретаемого жилья.

С 2010 г. в Ингушетии предусмотрена еще одна мера социальной поддержки, связанная с ипотечным кредитованием. Для льготных категорий граждан республики жилищный кредит станет вообще беспроцентным, так как кредитная ставка будет погашаться из местного бюджета. Также будет полностью субсидироваться первоначальный взнос за жилье в размере 30 % от стоимости квартиры или дома [<http://lenta.rnfront.info>].

Число родившихся в расчете на 1000 населения за год, промилле, Республика Ингушетия					
2005	2006	2007	2008	2009	2010
14	15,1	16,7	18,3	18,7	27,3

Многое в динамике традиционного семейного уклада связано с переходом на урбанизированный образ жизни с его неизбежной деградацией семейно-родственной и соседской общин, снижением действенности систем внешнего социального контроля.

Огромное влияние на взаимоотношения супругов оказывает то обстоятельство, является ли эта семья социально- или национально-смешанной. Национально-смешанная ингушская

семья, как в городе, так и в сельской местности, имеет свои особенности. Это союз разных культур, каждая из которых привносит в семью свои образцы и ценности поведения, смешивающиеся в конечном итоге с новыми ориентирами и реалиями.

В результате изучения социально-смешанных семей в Ингушетии выявлено, что в группе успешных семей преобладают те, в которых либо оба супруга, либо один из них провели свою молодость в сельской местности. В группе неуспешных семей больше пар, в которых либо оба супруга выросли в городе, либо муж вырос в селе. Это объясняется тем, что городские стереотипы и образ жизни неодобрительно воспринимаются мужчинами, выросшими в сельской местности. Они не всегда готовы отступить от традиционного уклада семьи, не приемлют ценности городской жизни с установкой на равноправие супругов в выполнении семейных обязанностей, к которому привыкли жители городов. Не секрет, что для жителей городов, где оба супруга работают, часть обязанностей делится между супругами, и девочки, выросшие в городе, стремятся в своей супружеской жизни к таким отношениям, которые характерны для большинства городских семей [Озиева 2009]. Неравный социальный статус супругов также является поводом к частым конфликтам.

Одна респондентка рассказала, что ее муж, узнав о ее предстоящем повышении, запретил ей переходить на более высокий пост, так как он в этом случае окажется на более низкой социальной ступени. Боясь скандала, она осталась на прежней должности, хотя позже и жалела об этом [ПМА 2011].

В отличие от социально-смешанных и национально-смешанных браков и семей, которые испытывают на себе влияние разных культур, урбанизированная городская среда с невелированностью быта и образцов поведения также накладывает отпечаток на семью, из-за чего городская ингушская семья становится специфично отличной от сельской.

Развод

Испокон веков в ингушском обществе было негативное отношение к разводу. Ингушские адаты и шариат в этом совпадают, так

как главная ценность и той и другой правовой системы — брак. Развод не богоугодное дело. «Исходя из предписаний, мужчинам нужно иметь веские причины для того, чтобы воспользоваться разрешением Всевышнего Аллаха на развод. К тому же надо всегда помнить, что даже разрешенный развод вовсе не радует Аллаха» [Мухаммад Кок-Коз 2005: 250].

В современном ингушском обществе инициатором развода является муж. Однако бывают и разводы по инициативе жены. В этом случае, как и прежде, ее родные должны вернуть брачный выкуп (по адатам некоторых народов — в двойном размере). Весь калым и все издержки по свадьбе, даже мельчайшие подарки, сделанные при сватовстве, возвращаются мужу, за исключением расходов, сделанных родственниками жены на ее приданое и свадьбу. В прошлом женщина после развода не могла вновь выйти замуж до тех пор, пока бывшему мужу не будет выплачен весь калым [Леонтович 1883:73]. Современная ингушка после развода свободна и может выбрать нового спутника жизни.

Ингушские женщины, не закрепившие свои отношения в органах ЗАГС, юридически остаются бесправными. Поэтому современные девушки, особенно горожанки, закрепляют свои отношения юридически до рождения первенца, чтобы иметь право на наследование. Среди современных ингушей распространено заключение брака по мусульманскому обряду, и только спустя некоторое время брак оформляется в ЗАГСе. Поэтому развод тоже должен быть оформлен и по законам шариата, и официально, в государственном учреждении, иначе женщина, согласно российским законам, абсолютно бесправна. Единственным официальным учреждением в республике, где будут считаться с ее интересами и правами, является местный шариатский суд или имамы мечетей, которые вправе рассматривать и решать такого рода спорные вопросы.

Заключение

В заключении хочется отметить, что результаты наших исследований по широкому кругу актуальных проблем ингушской семьи и женщины подтверждают правильность тезиса о том, что

женщины сами должны быть не только объектами, но и активными соучастниками преобразований в социально-экономической, общественно-политической, этнической и духовной сферах, участниками формирования гендерно-сбалансированной политики и гражданского общества, процесса становления новых социальных институтов, обеспечивающих стабильность и достойную жизнь каждой семье в отдельности и обществу в целом.

Проблема социальной адаптации ингушек к условиям города связана со сложным и противоречивым процессом вживания в новую социокультурную среду, который сопровождается перестройкой системы ценностей, жизненных установок, а также необходимостью разрешения целого ряда социально-экономических проблем.

Современное положение ингушки отражает состояние всего этноса в целом: от того, какая она сегодня, во многом зависит будущее всего народа.

Библиография

Албогачиева М.С.-Г. XI Свадебный костюм ингушки // Международная научно-практическая конференция «Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии». СПб., 2009. С. 67.

Албогачиева М.С.-Г. Влияние образования на функциональное изменение ингушского языка // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственности и разрывы в социокультурных практиках. СПб., 2009. С. 486.

Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ традиционное сельское общество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 75–102.

Арапханова Л.Я. Выступление на круглом столе в Комитете ГД по делам женщин, семьи и детей к.п.н. Москва. 13 декабря 2009 г.

Балтанова Г.Р. Мусульманка. М., 2005.

Дзаурова М.С. Этнологическое знание как фактор формирования культуры молодежи Ингушетии // Реальность этноса: этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. (17–20 мая 1999 г.) СПб., 2001. С. 352.

Долакова З.М. Влияние межэтнического конфликта на ролевую структуру традиционной семьи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Донская О. Чтобы жених не потерялся // Российская газета. 2005. 1 февраля. № 18.

Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. М., 2005.

Матвеева А., Савин И. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. М., 2012.

Озиева Л.С. Роль семьи в формировании культурных ориентаций (ценностей): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2009.

Очевидец. Народный праздник в селении Базоркинском // ТВ. 1897. № 47.

Французские модницы выходят замуж в ингушских платьях // Комсомольская правда. Спецвыпуск. 14.12. 2006; Ингушетия. 2006. № 154.

<http://mediacratia.ru> (дата обращения 12.05.2011).

<http://ria.ru/research> (дата обращения 22.06.2011).

Полевые материалы автора. 2009.

Полевые материалы автора. 2010.

Полевые материалы автора. 2011.